

Евгений ОСЕТРОВ

ТАЛАНТ МОГУЧИЙ, НАРОДНЫЙ

ГЕРОИ «театра Островского» действуют в нескольких обстоятельствах, в различных местах, но едва ли не все пьесы великого драматурга — прямо или косвенно — неотрывны от двух великих географических притяжений — Москва и Волга. В Москве писатель родился, и здесь же увидели свет его первые драматургические опыты. Появление пьес Островского на московской сцене — эпохальное событие в истории отечественного театрального искусства. После того как была поставлена комедия «Не в свои сани не садись», наиболее пронаительные современники отметили, что в театр «пришел большой русский крупный человек, очень умный, очень сильный...»

Теперь, когда я брожу по таким московским улицам, как Большая Ордынка, Пятницкая, Монетчиковы переулки, или по стороне, выходящей на Яуз, невольно вспоминаю о том, что Островского, проводящего средь этих домов детские и юношеские годы, нередко называли «лучшим бытописателем Замоскворечья». В замоскворецких местах с особой силой звучат меткие фразы героев прославленных комедий драматурга, повторенные затем на бесчисленных театральных подмостках — у нас и за рубежом. Люблю зайти в старый дом, где некогда жил критик и страстный театрал Аполлон Григорьев, где собирался «кружок Островского», и представить себе, как в этих стенах звучал голос Александра Николаевича, лилась его живая, необычайно содержательная и такая московская речь.

Живя в переломную эпоху, Островский — сатирик, лирик, эпик — высказал много образной правды о стране и народе, — не случайно судьбы и искания его героев привлекали такое внимание революционных демократов Чернышевского и Добролюбова, породили страстные споры, эхо которых докатывается до наших дней.

Островский глубоко по личному опыту знал доподлинную жизнь Москвы. Недаром он ко многим своим пьесам поставил характерный, документальный, прибегающий к современной терминологии, заголовок — «Картины московской жизни». Но ошибаются те, кто сводят Москву Островского к купеческому Замоскворечью. Драматург не раз настойчиво подчеркивал, что он «исписал всю московскую жизнь», что для него Москва — великий город, через который волнами выливается по всей стране народная сила.

Сегодня, стоя на Красной площади перед величественным памятником Минину и Пожарскому, не будем забывать, что одно из самых заветных поэтических созданий Островского — драматурга — хроника в стихах «Козьма Захарыч Минин-Сухорук», воссоздававшая героический эпизод истории, когда волжская земля поднялась и двинулась освобождать от иноземных захватчиков Москву, а следовательно, и всю страну. Любуясь ныне зубчатыми краснокирпичными стенами и древними палатами Московского Кремля, вспомним, как любил их и поэтизировал Островский, умевший чутко улавливать голоса былого, вплетать их в быстротекущую живую действительность.

Каждая эпоха берет в творениях великих художников то, что насущно необходимо сегодня, что и теперь звучит современно. Для нас Островский не только бытописатель ушедшей в небытие столицы. В его замоскворецких характерах мы видим не только обличительство, которым занимались позднее — и не без успеха — многие авторы. Многогранность героев Островского, их сила и мощь, поэзия народной жизни, острота, глубина и динамичность сюжетных положений позволяют нам рассматривать наследие великого драматурга, создателя «Свои люди — сочтемся», как совершенно живое, нескудеющее в эстетическом и социальном воздействии на читателя и зрителя. Художественная сила многочисленных его пьес позволяет нам говорить о «театре Островского» с такой же гордой убедительностью, с какой мы говорим о «театре Шекспира», о «театре Мольера».

Раз-два в году я с наслаждением повторяю путь, который некогда так полюбил автор гениальной «Грозы», отправлявшийся, как известно, много раз из Москвы на Волгу по большой северной дороге, минуя Сергиев-Посад, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Ярославль, Кострому, Плес, Кинешму... Что приходилось видеть писателю в путешествии по большой дороге? Знаючи местного края указывают даже место, где повстречались страстные актеры — добродушный комик Аркадий Счастливцев и буйный трагик Геннадий Несчастливцев — бессмертные герои «Леса». Но дело даже не в этом. Несомненно, что Островский видел, как в изданных обжитых местах крестьяне неугомонно пахали и засеивали землю, пасли на лугах скот, сплавляли лес по большим и малым рекам. Островскому приходилось останавливаться в шумных трактирах и постоялых дворах, где ожидали его персонажи будущих пьес. Своими глазами видел художник бесконечные избитые тракты, по которым брели ярославские отходники, славившиеся ремеслами, умением лезть в карман за острым и увесистым, размашистым и точным словом. Можно с полной уверенностью сказать, что вся страна щедро одарила в пути писателя несметным богатством — сюжетами, характерами, портретами. Островский умело воспользовался богатством, преумножил его, воссоздавая в пьесах с энциклопедической полнотой невыводимую жизнь. Недаром такой строгий ценитель, как Лев Николаевич Толстой, резко отзывавшийся о многих из своих современников, называл имя Островского с гордостью, говоря, что он удостоился чести стать писателем для всех. Трудно придумать большую похвалу в устах творца «Войны и мира»!

Волга — бескрайняя, могучая, неогладная — пробуждала в душе Островского самые сокровенные чувства, вызвала восторг и желание поделиться счастьем с окружающими, с

К 150-летию со дня рождения А. Н. Островского, великого русского драматурга

ближними и дальними друзьями. Письма его пестрят ласковыми и возвышенными словами о Волге. Гимном великой реке звучат многие его пьесы, герои которых уподобляются в своей широте и душевной нестесненности волжским просторам. В моей Костроме есть памятное и бережно хранимое место над Волгой, которое стоустая народная молва связывает с именем писателя, взявшего сюжет для «Грозы» из местной жизни. Сам Александр Николаевич об одной из встреч с Волгой в Костроме рассказал в письме так: «Мы стоим на крутейшей горе, под ногами у нас Волга, и го ней взд и вперед идут суда то на парусах, то бурлаками, и — одна очаровательная песня преследует нас неотразимо... С правой стороны у нас собор и главный город, все это вместе с устьем Костромы обито таким светом, что нельзя смотреть. Зато с левой стороны, почти у самых наших глаз, такой вид, что кажется не делом природы, а произведением художника».

Всю жизнь Островского притягивал

к себе раздолбный волжский пейзаж, не уставал он живописать его словом, восхищаться им. Но еще, пожалуй, сильнее любила драматург людей, жалю им интересовался, любовался, негодовал, вникал в их повседневную жизнь, в будни крестьян, неугомонных волгарей, постоянно валявшихся в то, как прихотливо, неожиданно, загадочно складываются человеческие судьбы. Будучи трезвым реалистом, превосходно разбиравшимся в социальной подоплеке людских отношений, Островский не терпел обывательского нытья: он восторженно удивлялся тому прекрасному, что встречал нередко на берегах родной Волги: «...земля обильная горами и водами, и народ и рослый, и красивый, и умный, и откровенный, и обязательный, и вольный ум, и душа нараспашку. Это земля мои возлюбленные...» Островский чувствовал себя своим человеком среди простых людей, в его народность была такой же естественной, как и у его великих современников — Некрасова и Толстого. Писатель-этнограф С. В. Максимов, встречавшийся с Островским на волжских берегах, вспоминал позднее, как великий драматург с гордостью говорил ему: «Вот наш костромич Сусанин не шумел: выбрал время к ночи, завел вратов в самую лесную глушь: там и погиб с ними...»

Мы не можем представить себе Пушкина без Михайловского, Толстого без Ясной Поляны, Есенина без приокского села Константиново. Островский, его творчество немислимо без Шелькова, которое вписано золотыми буквами в историю нашего театра. На Волге много мест, которые звучат как страницы из творений Островского: Красное, Плес, Кинешма. Но Шельково — это волшебная поэтическая сторона, которая занимает совсем особое место в сердце Островского. Здесь, среди живописно-сказочной, нетронутой природы, в действительно существующей Ярилинной долине, драматург в минуту счастливого озарения увидел любимейшую из своих героинь, самую чистую и возвышенную — Снегурочку. Шельково Островский не уставал восхвалять в письмах к друзьям, писал о нем в своем дневнике... Так, на второй день пребывания в усадьбе он отмечал: «Шельково мне вчера не показалось, вероятно, потому, что я построил себе прежде в воображении свое Шельково. Сегодня я рассмотрел его, и настоящее Шельково настолько лучше воображаемого, насколько природа лучше мечты».

Перечитывая «Снегурочку», мы погружаемся в беспредельный и прекрасный мир народной поэзии. Нескромная прелесть весенней сказки Островского заключается в том, что мифологическое художественное мышление, идущее от легенд языческих времен, постоянно сливается в пьесе с реальным, с естественным, каклодневным, с тем, что всегда бывает в действительности. Журавли, лебеди и гуси приносят из-за моря Весну-Красну. Леший, провозгласив конец зиме, выпряет в дуло. Весна-Красна уговаривает Деда Мороза отпустить их дочь пожить у людей. В ответ она слышит ворчливые стариковские слова. Тогда Весна-Красна называет Деда Мороза «красноносным». Древнеславянские мифические божества разговаривают в пьесе Островского, как костюмские встреча, которых он то и дело встречал в своих поездках из Москвы на Волгу. Вся сказка насыщена комическим. Волшебное и бытовое сливаются — в этом Островский также следует давней фольклорной традиции. Вспомним хотя бы древнюю сказку о том, как

Ветер, Месяц и Солнце, начав жить вместе, пекали у Солнца на голове блины... Народная лексика «Снегурочки», идущая от живого крестьянского языка, а не от книжных источников, полна художественного своеобразие. «Как по лесу лес шумит», — поет Лель, и мы не находим в этой фразе повтора, наоборот, — она отдает разгоровной безыскусственностью. Когда же начинает говорить мудрый Берендей, то его слова напоминают нам лютые изречения, что любил вкладывать в уста героев хитроумные книжкины давних времен. На вопрос о том, можно ли верить в людскую совесть, Берендей отвечает: «Как же не верить-то, милая девушка! Чем же и свет стоит? Правдой и совестью только и держится».

На стихотворный рисунок «Снегурочки» оказала большое влияние ритмика «Слова о полку Игореве». Это отмечал и сам Островский. Желая придать драматическому повествованию торжественность, поэт вложил в уста гусляров обороты и лексику, идущие от древней эпической песни. Таким образом, можно сказать, что в работе над пьесой-сказкой Островский использовал три главных источника — древнеславянскую мифологию, старую письменность, сочный

метафорический разговортный крестьянский язык, бытовавший на Верхней Волге. Сам драматург горячо любил это свое заветное творение и огорчался, когда критика не понимала и не принимала его вещи. Вопреки некоторым мрачным предсказаниям, связанным с толками о неспеничности пьесы, театры полюбили «Снегурочку». Напомню, что в пьесе, поставленной впервые в Малом театре, были заняты такие актеры, как Федотова, Ермолова, Живокина. Позднее в «Снегурочке» выступали Ленский, Садовские, Турчанинов. Роль Берендея стала в свое время триумфом Качалова... Станиславский так оценил пьесу: «...«Снегурочка» — сказка, мечта, национальное предание, написанное, рассказанное в великодушных звучных стихах Островского. Можно подумать, что этот драматург, так называемый реалист и бытовик, никогда ничего не писал, кроме чудесных стихов, и ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики». Максим Горький, создавая свою поэму-сказку «Девушка и смерть», явно находился под воздействием Островского, продолжив и развив необычайную и новаторскую традицию, основанную Островским.

Музыку к «Снегурочке» написали Чайковский и Гречанинов. На сюжет весенней сказки Островского создал оперу Римский-Корсаков, которая и сегодня не сходит со сцены.

Чудо творческого преображения Островского состоит в том, что если в «Грозе» и «Бесприданнице» его художественный почерк соответствует тому, что позднее в живописи создавал красочно-декоративный Кустодиев, то в «Снегурочке» драматург оказался необычайно близок манере Врубеля. Вернее сказать, что бытовые драмы Островского содержали в себе поэтику Кустодиева. Есть прекрасные работы Кустодиева, навеянные весенней сказкой Островского, но все-таки «Снегурочка» — это Врубель, его прославленные сказочно-таинственные майоликовые портреты и композиции.

Примечательно, что в авалчатых годах, когда шумно провозглашали свои модернистские декларации всевозможные декадентские группировки, А. В. Луначарский выдвинул насущно необходимым для современности лозунг: «Назад к Островскому!» Многим этот призыв в то время показался художественно консервативным, но время рассеяло иллюзии, и теперь всем очевидно, как важно было отстоять традицию Островского, его реалистический театр и образность. Можно даже сказать, что лучшие из наших драматургических достижений лежат на путях, открытых автором «Грозы» и «Снегурочки». Приведу небезынтересное суждение, высказанное несколько лет назад А. Е. Корнейчуком, чьи пьесы десятилетия не сходят с театральных подмостков. В беседе со мной Александр Евдокимович однажды сказал: «Современному театру нельзя жить без классики. Я не могу себе представить вечер, когда на одной афише не будет имени русского, украинского или западноевропейского классика. Островский и Шекспир вечны. Они будут жить всегда, как всегда — видоизменяясь и обновляясь — будет жить театр».

У входа в Малый театр, удобно расположившись в кресле, слыит Александр Николаевич, величественный, овеянный полнотой человеческой теплотой, словно приглашая зрителей войти в «Дом Островского». Москва полюбила памятник работы Н. А. Андреева, ставший неотъемлемой деталью столичного пейзажа. И чть не каждый вечер возле памятника можно услышать просящий и такой искренний и всегда неожиданный вопрос, который не может не радовать: «На Островского нет лишнего билета?».

Отличный подарок читателям к юбилею великого драматурга подготовил земляки Снегурочки. Верхне-Волжское книжное издательство в Ярославле только что выпустило весеннюю сказку в прекрасном оформлении Романа Белоусова — художника из Палеха. Нет необходимости говорить о том, как современному палеханину близки и дороги образы пьесы-поэмы, навеянные старинными мотивами, но сохранившие и сегодня прелесть живого обаяния.

В дни юбилея великого писателя хочется от души воскликнуть: — Вперед, к Островскому!